

В шерсти овчинного спальника завелись альфонсы — мокрицы. Твари не кусучие, но до чего мерзкие, снуют по голым ногам — под утро Борька не спал почти, елозил ногами, вертелся на сланях*, слышал сквозь дрему, как играет у самого борта щука и бьет в сыром лесу птица, будто камнем по камню. Да еще капюшон энцефалитки** сполз, и комарье так отделало ухо, что хоть оторви да выбрось — чешется.

Борька не вынес-таки, полез из спальника, разлепил с трудом тяжелые, опухшие веки. Катятся по сорной заводи клочья тумана, цепляются за густую осоку. Лес еще непроглядный, гулкий, высокая трава перед ним полегла от росы. Много росы, небо чистое — жди солнца.

Борька сдвинул капюшон — услышал ветер-верховик, звон поредевших к утру комаров. Бьет птица — ударит раз-другой, затихнет ненадолго, ждет ответа, но лес еще спит.

Борька набрал полную грудь воздуха:
— Эге-ге-гей!!

---

* Слани — дощатый настил на дне лодки. — *Здесь и далее примеч. ред.*

** Энцефалитка — противоэнцефалитный костюм и куртка такого костюма — одежда для защиты от энцефалитного клеща, комаров, мошки и других насекомых.

Вздрыгнул, загудел лес, метнулось эхо от берега к берегу. Из осоки снялись, просвистели над головой две кряквы, Борька аж пригнулся. Пока опомнился, выдернул из брезента старую бельгийку* – уже и след простыл. Только плюнул вслед от досады.

Смочил водой горящее ухо. Натянул бродни**, закатал на манер ботфортов, перехватил энцефалитку матросским ремнем, сдвинул чехол с ножом за спину. Толкнулся веслом от берега и на гребях пошел к сети, которой с вечера закрыл устье сора. Уже издали видно было, как подрагивает верхняя тетива с берестяными поплавками, уходящая в зеленую глубину. В сору ловить – верное дело: мелочь здесь жирует, а следом и щука идет. Борька только потянул тетиву, и из густой, цветущей воды показались спеленутые сетью ерши. Вредительская рыба ерш – так запутается, что и сеть порвешь, и пальцы исколешь, пока вынешь. Исколотые пальцы потом надуваются и болят – видно, слизь какая-то на иглах.

Мелочь Борька не глядя бросал на слани. А вот и щука – спокойно висит в сети кверху пятнистым брюхом. Хитрющая рыбина – пока Борька ее из сети выпутывал, висела как бревно, а потом рванулась, выгнулась колесом. Борька на лету уже ее перехватил и треснул с размаху плоской башкой о борт. Щука выкатила белесые глаза, разинула пасть и затихла.

---

* Бельгийка – бельгийское охотничье ружье.

** Бродни – высокие рыбацкие сапоги.

Борька достал нож и с хрустом проколол ей загри-
вок – так-то спокойней будет...

Он выбрал сеть, сразу раскладывая, растряхивая ее,
чтоб тетива к тетиве не сошлась. Если сразу мокрую сеть
не разберешь – слезится, потом раздирать придется.

Смахнул росу с кожаного таксистского сиденья, вы-
тянул ноги в тяжелых броднях. Вытащил мятую пачку
«термоядерных», закурил. Семь шук, да вчерашних пят-
надцать, да чебаки* и другая мелочь. Добро.

Туман ушел. Небо рассветлелось, через час будет
солнце. Комарья уже не слышно, на рассвете у этой
кровожадной твари пересменка: комары прячутся,
вылетают с надсадным гулом черные, пудовые пауты.

До Сургута два часа, если идти на полной гари. Борь-
ка достал бачок, качнул – бензин плещется на дне.
В упор, но хватит. Сперва – в Банное, к Михалине, по-
том в сельмаг – чай кончился, а главное – соль, без
соли не проживешь.

Он рванул стартер – мотор взвыл, тотчас откликнул-
ся лес, поплыл над заводью голубой дым. Сел поудоб-
нее, врубил скорость – лодка толчком тронулась –
и вышел в Обь.

Волосы зализал ветер, надулся пузырем капюшон,
сыплет искрами сигарета в плотно сжатых губах.

---

* Чебак – рыба семейства карповых, подвид плотвы, распространенный
в Сибири и на Урале.

Борька сидит напряженно, очень прямо, чтобы видеть над треснувшим ветровым щитком. Одной рукой оперся на борт, другая на рукоятке гари.

Лодка легко режет мелкую волну, из-под крутых скул* бьют на две стороны тонкие прозрачные струи. Корма вдавливают воду, чуть дальше она взрывается пенным буруном. Катится бурун за лодкой как привязанный. Черными точками мечутся пауты, затянутые с берега в воздушный мешок.

Фарватер** здесь широкий. Огромным мениском — от горизонта до горизонта — лежит вода в обрывистых, приглубых берегах. Проплывают поочередно белые и красные конуса бакенов***. Ползут по фарватеру черные буксиры, тащат следом ржавые плоские баржи, груженные горами серого песка, жилыми вагончиками, вездеходами. Прут толкачи с многоэтажной надстройкой, с высоким обрезанным носом. А вот и «река-море», плавучий небоскреб, толкает десять барж сразу. Борька аж присвистнул: метров триста караван, не меньше — ну силища!

Пока глаза тарасил, не успел развернуться носом к волне, налетел скулой: лодку подбросило, ударило

---

* Скула — изгиб корпуса судна в том месте, где борт переходит в носовую или кормовую часть или в днище.

** Фарватер — водный путь для безопасного прохода судов.

*** Бакены — плавучие навигационные знаки. Служат для обозначения границ фарватера и ограждения различных подводных препятствий. Бакены, установленные слева по течению реки, красного цвета, справа — белого цвета.

днищем, окатило водой с головы до ног. Поделом, на реке рот не разевай. Река не шутит.

Скользнула мимо тупорылая «Заря», промчалась, задрал нос, крылатая «Ракета», идут сухогрузы и речные танкеры. Рабочая река Обь. Идут днем и ночью суда, большие и малые, из Вартовска в Сургут, из Сургута в Нефтеюганск, Мансийск, Салехард.

Снуют взад и вперед моторки и катера, узкие остроносые челны-обласы. С одного Борьке махнули рукой, с другого – Борька отвечает. Вот рыболовный бот рыкнул сиреной, поздоровался. На реке Борьку все знают.

Трещит мотор, с шумом ложится вода за кормой. Рыба уснула на сланях. Хорошо думается на реке. О разном думается...

Будто вчера бегал к берегу смотреть, не тронулся ли лед, просил, уговаривал, ругал матерно ленивую реку, потом проснулся ночью от орудийного грохота ломающихся льдин, не утерпел, не дождался чистой воды – гонял, шалея от радости, по черным разводьям между тяжелых торосов. И лето было впереди – громадное, бесконечное. А вот оглядеться не успел – остался от лета огрызок. Скоро осень.

Скоро осень, скоро пойдет муксун* метать икру в тихие заводи. Земляки позабросят дела, подправят плавные сети – тесно будет ночами на заповедных песках.

---

* Муксун – ценная пресноводная рыба семейства лососевых, обитающая в реках и озерах Сибири.

Налетят инспектора со всего бела света, начнет колчак шаманить по притокам и протокам.

Там ляжет снег, у берега зашуршит сало. На реке еще будет ходить тяжкая, темная вода, а соры сразу станут, в осоку наметет снега. Потом и Обь накроется льдом, заплетает поземка меж крутых окаменевших берегов. Еще по слабому, гнучему льду протянется первый след «Бурана», поперек – другой, изжуют они гусеницами снег по всей реке, будут целые проспекты и переулки выдавлены в сугробах. Но это уже не для Борьки.

Они с отцом все к «Бурану» приценивались, денег накопили в шкатулке с вылущенным перламутром, ходили на базу, где выгружали из товарняка яркие, как игрушечные, «Бураны», вкусно пахнущие густой смазкой и кожей сидений... Купили. А прокатиться не пришлось – ни тому, ни другому.

Так что не для Борьки зимние забавы. Для Борьки до весны – дом и школа. Но об этом думать не надо. Чего помирать раньше смерти...

На высоком песчаном яру* показалась деревянная вышка – тренога. Когда-то, до войны еще, в Банном был лагерь для ссыльных кулаков. Потом кулаков освободили, они обшили бараки толем для тепла, поделили перегородками, пристроили баньки и сараи и остались жить с детьми и внуками. Года два назад

---

* Яр – крутой, обрывистый берег реки.

и свет протянули от Сургута. Одна вышка прогнила и упала на барак, проломила крышу, а вторая так и стоит – торчит над рекой, как маяк, издаля видно.

По Оби что ни село, то бывшие лагеря: бандеровские, молдаванские. А нынешние – они глубже в тайге, с глаз подальше...

Борька бросил руль вправо, прицелившись меж двух «Казанок», поднял мотор и вылетел на заплесок* под яром.

Едва лодка ткнулась носом в песок, вдруг обнаружилась жара. От раскаленного яра стекал к воде горячий воздух. В ушах, уставших от трескотни мотора, зазвучали привычные голоса: гудение паутов, плеск волны, набегающей под железное днище, ленивый лай собак наверху, в селе.

Мужик, возившийся с мотором на соседней «Казанке», сел на борт и отер пот со лба рукавом телогрейки.

– Земляк, закурить будет?

Борька протянул пачку. Тот показал замасленные пальцы. Борька перешагнул к нему в лодку, воткнул мужику в губы сигарету и поднес огня. Мужик задымил, блаженно щурясь на солнце, держа на коленях вывернутые кверху, блестящие от масла ладони.

– Загорашь, ага?

– Загораю. – Мужик кивнул на мотор: – Стучит, зараза, чуть не разваливается.

---

* Заплесок – узкая полоса берега у нижней части яра.

Борька достал из своего бардачка отвертку, и с полчаса они в четыре руки колдовали над мотором, отмаргиваясь от паутов, лезущих в глаза.

Наконец Борька разогнулся, держа в руках шестерню со съеденными дочиста зубами.

– Полетел редуктор-то...

– Но... – Мужик плюнул с досады: – Погулял те у зятя!

– А где зять-то?

– В Красном. К полдню ждали.

– Часа три гари...

– Но.

– А сам?

– Из Юганска.

Борька присвистнул.

Закурили по новой, сидя напротив на бортах «Казанки». Мужик покосился на Борькин «Вихрь»:

– Продай редуктор?

– А я ладошкой погребу, ага?

Мужик в сердцах швырнул в воду злополучную шестерню.

– Ладно, я пока на гребях пойду, а ты шумни вниз, в Красное, Кольке Авдотьину – мол, тещь у Банного загорат. Пускай навстречу идет.

– Добро. Рыбу только сдам.

– Курева оставь.

– А ты горючки отлей. Она те без пользы.

Борька отдал мужику сигареты, заначив одну, и перелил в бачок его бензин. Покидал рыбу в рюкзак,

прочно пропахший рыбьим жиром, и полез вверх по песчаному обрыву. Ему и в голову не пришло, что мужик может забрать редуктор и смыться. Не бывает такого на реке.

Навстречу рванулся, заплясал на задних лапах перехваченный цепью за горло Дик, черный Михалинин кобель. Борька наклонился, будто за камнем, Дик совсем задохся от лая, заперхал слюной, чуть конуру за собой не поволок. Борька погрозил ему кулаком, поднялся на крыльцо и стукнул в дверь.

В окне колыхнулась занавеска, немного погодя со скрежетом отъехал засов, щелкнул замок, другой. Дверь приотворилась, и Борька шагнул в темный коридор. В нос ударил тяжелый рыбий запах. По всему коридору в три этажа сохли распластанные по хребту и распяленные спичками щуки и чебаки. Тучи зеленых, как бутылочное стекло, мух кружили над рыбой, копошились на желтом, с крупинками бузы* рыбьем мясе, перелетали с одной вязанки на другую, будто выбирая, где слаще. Михалина, сама похожая на сушеного чебака — с маленьким, будто костяным носом, полуоткрытым ртом и круглыми сонными глазками, заперла за Борькой дверь.

— Принимай товар. — Борька сбросил с плеча рюкзак.

— Куда прешься! Здесь стой. — Михалина взяла рюкзак и ушла в комнату, плотно прикрыв дверь.

---

* Буза — каменная или горная соль.

В комнате над кроватью и столом тоже висели вязанки рыбы, облепленные хлопьями мух.

Михалина летом скупала рыбу по дешевке, сушила, а зимой запирала дом и ехала за Урал продавать у пивных ларьков. Продавала, говорят, по трояку чебачка и по червонцу шуку. Найти бы, где у ней деньги лежат! Уж Борька не стал бы с такими деньгами в этом мушине царстве сидеть.

Тихонько ступая по скрипучему полу, он подкрался к двери.

– Думашь, не слышу? – тотчас подала Михалина голос.

Борька, громко топая броднями, отошел. Оглянулся на дверь, быстро вытащил нож и стал срезать вяленую рыбу с бечевки. Мухи возмущенно загудели, повисли вокруг зыбким зеленым облаком. Борька спрятал пару щук под энцефалитку, разровнял оставшуюся на бечевке, чтоб незаметно. Когда бедный берет у богатого – это не грабеж, а дележка, как говорил отец.

Михалина вышла из комнаты, сунула Борьке пустой рюкзак, мятую десятку и подтолкнула к двери.

– Погоди, погоди... Ты чо, за дурака меня? Я ж три ночи сетевал! По уговору-то...

– Уговор с отцом был, а тебе и того много.

– Хоть трояк еще дай!

– На вот. – Михалина выгребла из кармана мелочь, ссыпала Борьке в ладонь и проворно вытолкала из дому.

– Сволочь старая! – не выдержал Борька. – Да чтоб я тебе еще хоть чебачка...

– Ой, напужал! Обойдусь!

– Гадина рыбоглазая!

– Лайся, лайся! Вот кобеля-то спущу!

Борька поднял камень и швырнул в оскаленную пасть Дика.

– Давай-давай, – сказала Михалина из-за двери. – Сейчас участкового позову.

– Я сам позову. Погладит он тебя по головке за осетра, за нельму!

– А участковый, думаешь, щурят твоих сопливых ест?

Борька плюнул на дверь и пошел к магазину. Три ночи даром! Червонец с мелочью – десять на водку, да чай, да соль. Ух, гадина!

Борька остановился, подумал, не пойти ли еще пугнуть чем-нибудь Михалину. И запыхал дальше. Сколько б ни давала, а больше продать некому.

Ногой распахнул перекошенную, сквозящую щелями дверь сельмага, прогремыхал к прилавку. На прилавке светился желтый куб соленого масла, лежал узкий, чуть не до прозрачности источенный нож. На длинных полках стояли вперемешку туфли на тонком каблуке, кирзачи, духи, игрушки и пирамида «Завтрака туриста».

Из подсобки выглянула Верка, продавщицына дочка, Борькина одноклассница, худая девчонка с такими широкими скулами, будто за каждой щекой лежало по ореху.

– Ой, вырядился-то, – пропела Верка, выплывая к прилавку. – Флибустьер!

– Мать где?

– А нож-то чего нацепил? – не унималась девчонка. – Смотри, участковый увидит!

– Ты меня не трожь, я сегодня нервный!

– А нервный, так поди остудись. – Верка по-королевски сделала ручкой и шагнула обратно.

Борька перегнулся через прилавок, ухватил ее за косу и подтащил к себе.

– А носом в масло, ага?

– Пусти! Пусти, псих! – заверещала девчонка, отбиваясь.

– Где мать?

– Ну на огороде же! Я за нее. – Верка вырвалась и плаксиво заморгала. – Чего тебе?

– Чай.

Она швырнула на прилавок пачку чая.

– Соль.

Она молча положила соль.

– Водку.

– Паспорт покажи! – злорадно сказала девчонка. – Указ не читал?

– Сейчас покажу, – пообещал Борька, закипая. Злыдня Верка знала, что водка не для питья – для обмена на патроны и бензин. – И паспорт покажу, и еще кой-чего!

– Так уж и быть. По старой дружбе...

Борька спрятал бутылку в рукав, чай и соль положил за спину, в капюшон, внимательно пересчитал сдачу.

– Спасибо сказал бы, – миролюбиво предложила Верка.

– Перебьешься. – Борька хлопнул дверью и направился к яру.

У Михалининого дома огляделся, еще раз запустил камнем в Дика. И, не дожидаясь, пока старуха выскочит на крыльцо, соскользнул вниз на осыпающемся песке.

Мужика с «Казанкой» на берегу уже не было. Борька догнал его минут через десять. Земляк не греб, лежал на баке*, закинув руки за голову, тихонько плыл по течению. Борька приглушил движок, бросил ему на грудь Михалинину щуку.

– На, пожуй пока.

– Не забудь: Авдотьин Колька. Тесть, мол...

– Добро. – Борька дал гари.

Внезапно захотелось есть, так остро, что засосало под ложечкой. Борька положил вторую щуку на колени и стал щипать свободной рукой жирное рыбье мясо. Засолено было круто, под пиво, и у Борьки скоро распухли, зачесались губы.

Берега сошлись ближе, горизонт изломали стрелы портовых кранов. Вскоре на отлогом берегу за стальной

---

* Бак – носовая часть судна.